

Максимов Егор.
(и сестры)

ИЮньСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК КПСС: культура разумного потребления

Евгений МАКСИМОВ

ЛЮБИТЕ СВОЙ ХЛЕБ ТРУДОВОЙ

*Играйте же, дети!
Растите на воле!
На то вам
и красное детство дано,
Чтоб вечно любить
это скудное поле,
Чтоб вечно вам
милым казалось оно.
Храните свое вековое
наследство,
Любите свой хлеб
трудовой —
И пусть обаянье поэзии
детства
Проводит вас в недра
землицы родной!*

Это не только обращение, это еще и завещание грядущим поколениям. Поэт Николай Алексеевич Некрасов. Стихотворение «Крестьянские дети».

Что же такое хлеб?

«Хлеб на стол, и стол — престол; хлеба ни куска — и стол — доска», — говорят в народе. «Хлеб — всему голова», — изрекали прадеды и деды. Издревле заведено: дорогих гостей встречать хлебом-солью. Хлеб-солью одаривают героев ратных и трудовых подвигов.

Хлеб — не только здоровье народа. Хлеб — богатство и мощь народа, государства.

Но всегда ли мы относимся к хлебу так как велит нам сознание человека-труженика, как завещано нам отцами и дедками. Увы, далеко не всегда. Не раз видел у нас в Смоленске: стоят на лестничных площадках ведра для пищевых отходов и в эти ведра выбрасывается столько хлеба, что подкашиваются ноги, когда проходишь мимо них.

Блокадная норма хлеба была величиной со спичечную коробку. И сверлит душу мысль: сколько же блокадных норм хлеба выбрасывается только в одном подъезде одного дома!..

...Погожий день ранней весны. Микрорайон Поповка в городе Смоленске. У продовольственного магазина дремлет лошаденка, запряженная в телегу. На телеге гора мешков с картошкой. Разбитная женщина со съехавшим с головы платком торгует бойко, ловко: ведро картошки — 5 рублей. И горожане вынуждены покупать: в ту весну цены на картошку возросли. Не уродилась в предыдущем году.

В мешке бойкой молодухи оказалось 5 ведер картошки. Что ни мешок — 25 рублей. А мешков всего лежало на подводе десять. Хлебная буханка в магазине стоит 16 копеек. За один только проданный мешок картошки женщина купила 156 буханок хлеба. Кому? Свиньям, конечно. Торгашиха была из соседнего с городом совхоза. Каким образом можно закупить столько хлеба? Обыкновенным. Была она не одна, с родственниками. К одному магазину подвезли на лошадей, к другому, третьему. Да и сердобольных продавцов — ох, как много развелось! Сколько раз видишь такую картину: стоит вот такая с сетками да сумками, набитыми печеным хлебом, и прикидывается «смоленской сиротой».

Иди... да чтоб никто не видел! — не выдерживает в конце концов продавец, и тетя, сби-

вая с ног покупателей, несется к выходу. И повезла она целый воз мешков с печеным, очень дешевым — всего 16 копеек за буханку! — хлебом.

Вы думаете, рассказ о случае единичном? Такое происходит и сегодня.

«Например, в магазинах: №№ 69 и 21 первого горпичеторга, №№ 11 и 5 второго горпичеторга дают в одни руки по пять и более буханок хлеба, хотя отлично знают, что в больших количествах его берут для скормливания скоту, что является уголовным преступлением». Это не мои слова. Это строки из статьи инспектора ОБХСС УВД Г. Коробова, недавно опубликованной в смоленской газете «Смена».

«Однажды, 18 января, в день прорыва блокады, день не только торжества, но и великой скорби для ленинградцев, мы, как обычно, поехали на Пискаревское кладбище. В такие дни на белом снегу братских могил очень много цветов. А около могил — тысячи людей, пришедших поклониться памяти близких. Так вот, в тот день люди, обходя кладбище, непременно останавливаются около одной могилы. Их было много, стоящих вокруг, и каждого вновь пришедшего молча пропускали вперед. А у края могилы, среди цветов, лежал кусок хлеба — пол-ломтя от буханки простого черного хлеба. Рядом была записка. Я точно ее не помню, а сочинять заново не имею права. Знаю только, что этот кусок хлеба дочь положила на могилу матери. Рядом плакали пережившие блокаду женщины, плакали мужчины, прошедшие фронтами минувшей войны. И плакали рожденные после Победы юные, счастливые, не знавшие блокадного пайка...»

Это — рассказ ленинградского рабочего Е. Зябликова.

Моей деревне Казичино в войну досталась горькая доля: она оказалась на самой передовой наших войск. Мы спасались в лесу. Я видел и запомнил на всю жизнь смерть своего братишки Васьки. Он просил хлеба. А хлеба не было.

Кто видел глаза умирающего от голода ребенка, тот не забудет их. Лежал Васька под составившейся елью, и, когда я подходил к нему с замятым сердцем, он еще улыбался мне, а в глазах была такая недетская тоска, что хотелось кричать на весь лес.

За два дня перед смертью он перестал улыбаться, все внимательнее смотрел на меня, будто запоминал, будто понимая, что даже могилка его затеряется в лесу и никто никогда на нее не придет.

Ваську закопали под старой елью, рядом с шалашом. Грустно и тихо шумела ель.

Наши отступили, а в лес пришли немцы. За то, что мы спасались в партизанском лесу, они в первой по пути деревне Пустошке повели нас на расстрел. Собрали у здания школы, построили и... почему-то передумали.

На месте моей деревни черне-

ли головешки. Сеять хлеб было поздно — лето катилось к закату, да и нечем.

Умирала моя деревня от голода. Умирали мои друзья-товарищи. Хоронили их посреди луга. Матери приносили детей на руках и без гробов клали в общую могилу, накрывали платками глазенки, так мало повидавшие в жизни, и, порывав, побившись в страшном горе, засыпали землей. У моего друга Мишки Михайлова, умершего от голода, нашли под подушкой кушочек сухаря. Вся деревня удивлялась: откуда он взялся у Мишки, почему он его не съел? Шло лето 1942 года.

В то лето на горячих булыжниках мостовой сычевского базара я увидел сидящую девочку лет восьми-девяти с усталыми глазами. Она держала в исхудалых ручонках букетики васильков. Губы у девочки пересохли, потрескались. Заметив мое любопытство, она поджала под себя худенькие, все в цыпках, ноги и горестным долгим взглядом посмотрела на меня снизу вверх. Стыд, тоску и даже какую-то мольбу о прощении почувствовал я в ее взгляде. Наклонился к ней:

— Ты зачем торгуешь васильками? Их же... никто и ни за что не купит...

Девочка опустила ресницы и прошептала одними губами:

— Я кушать хочу... хлебушка...

Об этом я потом написал рассказ «Васильки».

После учебы в партийной школе избрали меня парторгом в колхозе имени XXI съезда КПСС. Квартирой не обеспечили. В дождь, в пургу, в жару и холод поднимался я до зари и шагал болотами, кустами, через ручьи за восемь километров на работу. И целый день на ногах. Домой возвращался порой в полночь. Столовой в колхозе не было. А потому в кармане всегда лежал кусок хлеба. В деревнях холодильников тогда еще не было, скотину забивали лишь осенью глубокой. Ну, а бутыл молока в карман не поставишь. Во-первых, пока доберешься до подхождишь в колхозе от поля к полю, молоко станет... знаете, чем? Во-вторых, парторг с бутылкой молока — это, извините, смешно. А острыми языками сычевская деревня не обижена.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Еще и еще раз о хлебе. О бережливом, бережном к нему отношении. Этот разговор всегда актуален. Отношение к хлебу высвечивает, как прожектором, многие социально-нравственные качества человека: и его уважение или неуважение к труду земледельца, и его историческую память, и то, что Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов назвал в своей речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК партии «культурой разумного потребления».

В первую очередь этого — разумной культуры потребления — не хватает тем людям, для которых хлеб стал всего лишь продуктом питания. Причем дешевым. Ведь среди них не только молодежь, есть и такие, что познали нужду, пережили вместе со страной трудные годы. Но вот пришли в их дома достаток, благополучие — и все забылось. А если забыли, если нет культуры у взрослых, то детям ведь брать пример не с кого.

Культура разумного потребления воспитывается. Годами, десятилетиями передается от поколения к поколению. Но воспитание не существует само по себе, оно должно строиться на четкой экономической, организационной, правовой основе.

Печеным хлебом скормливают скоту не горожане, а сельские жители, как раз те, кто трудится на земле. Часто это было вызвано нехваткой фуража: ведь без зерна скот, птицу на подворье не прокормишь. Продовольственная программа обязала советские, хозяйственные, профсоюзные органы «создать условия для того, чтобы каждая семья, проживающая на селе, могла иметь приусадебный участок, содержать скот и птицу». Это прямое указание в первую очередь относится к тем руководителям колхозов и совхозов, для которых личные подсобные хозяйства до сих пор — всего лишь обуза, нежелательная забота.

Скормливание хлеба скоту — преступление. И надо, чтобы закон был в этом случае не средством легкой остротки, как это

«Баллада о хлебе».

Фото Х. ЛЕППИКСОНА
(Фотоклуб «Кадр»)

Потом десять лет работал парторгом в совхозе «Бехтеевский». Снова подъем до зари и в далекий путь — восемь километров до центральной усадьбы да столько, а может, и побольше, до бригад и отделений. Все эти годы мне служил верный конь — буланый уمنيца Быстрый. Зимой — санки, весной, летом, осенью — в седле.

А в кармане — кусок хлеба. Порой зачерствеет за день, что камень. Спешись где-нибудь у ручейка, окунись в воду, пожуешь и снова скачешь от поля к полю, от трактора к трактору, от деревни к деревне.

И никогда в жизни — клянусь! — не бросил корку или огрызок хлеба. Если не съедал в дороге, всегда привозил домой.

Не подумайте, что говорю об этом, чтоб подчеркнуть только свое уважение к хлебу. Мною владело всегда необъяснимое чувство: хлеб — это святыня. А к святыне надо относиться свято. Стоит бросить хлебную корку, и тут же последует кара... Поверьте, всю жизнь меня тревожит не подвластное уму и душе чувство страха, что может настать час, когда хлеба не будет...

Я не желаю, чтоб такое чувство закрадывалось в души тех, кто не познал голода. Не желаю. Но хочу, чтоб люди помнили, как умирали их соотечественники с мольбой о хлебной корочке.

Хочу, чтобы люди знали цену хлеба.

СМОЛЕНСК

бытует ныне, а вступал в силу, применялся на практике.

В крестьянском подворье все пищевые отходы находят применение, идут на корм скоту, пороссятам. В городах созданы специальные организации, обязанность которых собирать отходы и отвозить их на свинофермы. Но службы эти часто работают плохо, вызывая справедливые нарекания трудящихся, письма в редакции газет. И эта озабоченность понятна: ведь речь идет не только о разумном, экономном хозяйствовании, но и о нашем отношении к плодам труда человеческого.

Или, скажем, такой факт, который не всегда становится общеизвестным. Существуют нормы, определяющие срок реализации печеного хлеба в магазинах. По истечении этого срока хлеб выбраковывается и отправляется на комбинат на переработку. Поэтому и предписывается завоз в магазины хлеба с раннего утра, чтобы его купили теплым, свежим. Но зачастую это правило не выполняется, в окраинные, в поселковые магазины машины приходят вечером, хлеб за ночь черствеет, а затем, по истечении определенного срока, выбраковывается.

Эти и многие другие вопросы отношения не только к хлебу — ко всем плодам труда людей, ждут своего дальнейшего обсуждения, принятия и укрепления организационных мер. В нашем обществе нравственные, идеологические нормы напрямую связаны с экономической, хозяйственной деятельностью. При всем нашем богатстве, широких возможностях социалистического метода ведения хозяйства нам необходима «разумная экономия, экономия на всем — от тонны металла до килограмма хлеба», отмечал на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов. Бережливое отношение к общественному богатству, культура разумного потребления, уважение к своему труду и к труду товарищей — без этих и многих других правил коллективизма немыслима наша жизнь.